

военного времени. Была подготовлена к печати серия публикаций, основанных на материалах, собранных Уральским филиалом комиссии [ЦДООСО, ф. 520, оп. 1, д. 1, л. 57–63].

Нужно подчеркнуть, что И. И. Минц изначально ориентировал работу комиссии на выявление и сохранение тех источников, которые обычно не откладываются в государственных архивах – материалы личного происхождения рядовых участников исторических событий, интервью, воспоминания и др. Такой подход был успешно апробирован (в том числе, самим И. И. Минцем) еще в 1920–1930-х гг. при реализации проектов «История Гражданской войны в СССР» и «История фабрик и заводов» [Вклад историков..., с. 9–14]. В Свердловской области также имелся опыт подобных разработок [Были горы...; Сборник материалов...]. Однако Великая Отечественная война создала новые условия и реалии, что потребовало разработки соответствующей источниковедческой концепции, возникла необходимость определить круг источников, методы их выявления и сохранения.

Список литературы

Были горы Высокой: рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М.: Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1935.

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / отв. ред. С. В. Журавлев. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.

Гвоздецкий В. Л. Ученый и время (к 100-летию со дня рождения В. В. Данилевского) // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 112–125.

Научный архив Свердловского областного краеведческого музея (НА СОКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 221. Документы о сокращении бюджета, переводе на консервацию и перестройке сети музеев Свердловской области за июль – ноябрь 1941 г.

Сборник материалов революционного движения в Тагильском округе. Н. Тагил: Н.-Тагильский окр. ком. ВКП(б), 1925. № 1.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 520. Уральская комиссия по истории Великой отечественной войны. Оп. 1. Д. 1, 7, 11.

УДК 930.25

А. В. Попов

КУЛЬТУРНАЯ И ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: СООТНОШЕНИЕ, СВОЙСТВА И АКТУАЛИЗАЦИЯ

Статья посвящена феноменам культурной и документальной памяти, соотношению этих понятий, а также роли архивов как института, обеспечивающего существование документальной памяти. Рассматриваются проблемы актуализации документальной памяти и роль информационных технологий в архивном деле.

Ключевые слова: архив, документальная память, идентичность, информационные технологии, информация, культура памяти, память, политика памяти, традиция.

В последние десятилетия в исторической науке меняются приоритеты и тематика исторических исследований. Многие проблемы, которые ранее находились на периферии исторических исследований, оказались в центре внимания историков и общества. Одна из таких проблем – проблема памяти в разных ее проявлениях и исследовательских подходах. В центре внимания исследователей оказались близкие, часто взаимно переплетающиеся проблемы и институты: культурная память; коллективная память; социальная память; национальная память; традиция; предание; культурное наследие; память и воспоминание; проблема забвения. Понятия культурная память и культурная традиция тесно связаны. Именно благодаря культурной памяти и ее трансформации сохраняется и меняется традиция. Интерес вызывает и проблема культуры памяти, которую рассматривают как политику государства в области доступа и трансляции информации, а также как отношение общества к своему прошлому и к национальному мифу [Попов, 2017, с. 45].

Одним из классиков новой проблематики исторических исследований считается французский социолог Морис Хальбвакс (1877–1945). Его теоретическая монография, вышедшая еще в 1925 г., оказалась востребованной в исторических исследованиях последних десятилетий. М. Хальбвакс исследует динамику памяти не только отдельных людей, но и социальных институтов [Хальбвакс, 2007].

Современный исследователь Ян Ассман отмечает: «В последние годы мы переживаем повальное увлечение темой “Память и воспоминание”. Ее победное шествие по умам Востока и Запада началось лет десять назад. Вряд ли это случайно. <...> По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминания складывается новая парадигма наук о культуре, благодаря которой разнообразнейшие феномены и области культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – предстают в новом контексте» [Ассман, 2004, с. 11–12].

Совместно с Яном Ассманом разработкой этих вопросов занимается его жена Алейда Ассман. Главная тема ее публикаций – культура памяти, главным образом мемориальной. «Мемориальная культура» – центральное понятие работ А. Ассман. Концепция А. Ассман строится вокруг этических категорий, в первую очередь категории вины, ее признания или отрицания. Издание трудов А. Ассман в России вызвало большой интерес среди исследователей культуры памяти. Российский исследователь О. Б. Леонтьева отмечает: «Публикация работ Алейды Ассман в России стала ответом не только на запрос профессионального сообщества, но и на актуальную общественную потребность. Определить контуры той мемориальной культуры, которая формируется на наших глазах и при нашем непосредственном участии; отыскать методологический инструментарий для ее критического анализа; попытаться (сколь бы трудным это ни казалось) достичь общественного консенсуса по вопросу о принципах цивилизованного обращения с исторической памятью

– во всем этом труды немецкой исследовательницы могут быть нам полезны» [Леонтьева, 2017, с. 43–44].

Интересны наблюдения А. Ассман, изложенные в работе «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика». В этой работе А. Ассман обращается к теме восприятия холокоста в современной Германии. Она пишет: «Моя книга посвящена не Холокосту или Второй мировой войне, она исследует динамику индивидуальных и коллективных воспоминаний, на которые падает тень “травматического прошлого”» [Ассман, 2014, с. 7]. А. Ассман считает, что сохранение памяти требует больших усилий от общества и государства, сохраняющих память в архивах, музеях и библиотеках. В тоже время каждое новое поколение по-своему истолковывает содержание культурной памяти. Российский антрополог И. В. Ивлева подчеркивает: «Работу [А. Ассман. – Прим. А. П.] можно отнести к области исторической антропологии и культурной истории. Это весьма современная книга о прошлом и его сегодняшней интерпретации, которая порой бывает провокационной и вызывает бурные дискуссии» [Ивлева, 2017, с. 209]. В труде А. Ассман есть глава «Социальная память», посвященная социальной памяти. Терминологически автор не разделяет понятия «социальная память» и «общественная память», используя их как синонимы. Для нас существенным, но не бесспорным показался вывод А. Ассман: «У разных возрастных групп формируется своя память, которая зависит от опыта собственных переживаний; соседствуя и противопоставляя себя друг другу, эти возрастные группы отличаются видением мира, отсюда между ними возникают напряженности, трения и конфликты. Каждое поколение вырабатывает собственное отношение к прошлому, не позволяя предшествующему поколению навязывать иную точку зрения» [Ассман, 2014, с. 11].

В книге американских исследователей Ф. Блоуина и У. Розенберга «Происхождение прошлого. “Подлинность” для историков и архивистов», изданной в 2017 г. Европейским университетом в Санкт-Петербурге, есть отдельная глава «Проблема социальной памяти». В этой главе исследователи подчеркивают актуальность темы памяти: «Новые прочтения истории вывели в ряд актуальных и проблему так называемой “социальной памяти”. <...> К концу 1980-х годов эпоха постмодерна, как выразился один историк, “помешалась” на памяти» [Блоуин, 2017, с. 136]. Американские авторы пытаются разграничить понятия исторической памяти и социальной памяти.

По их мнению, историческая память – это память, которая актуализируется через исторические исследования, а социальная память «выступает в роли непарадигматического, трансдисциплинарного, расфокусированного проекта». Для нас будут интересны мысли авторов книги о социальной памяти в СССР (именно в СССР, а не в современной России). В частности, они отмечают: «Документирование истории тех, кто не попал в поле зрения архивов, требовало новых исследовательских ракурсов. Особенно это касалось

репрессивных обществ с хорошо развитой системой архивов, например, Советского Союза, где профессиональных архивистов было больше, чем где-либо в мире» [Блоун, 2017, с. 139].

Американские исследователи ставят интересующий нас вопрос: «Тогда что же такое социальная память? Как нам следует понимать этот заезженный и нередко клишированный концепт?» [Блоун, 2017, с. 140]. К сожалению, в их книге мы не найдем ответа на этот вопрос. В данной работе мы не найдем и определения термина «архивная память», часто используемого авторами. Опираясь на мнение Пьера Нора, американские исследователи считают архивную память и архивную науку менее важной, чем повторное переживание субъективного опыта. Об архивах они высказывают следующее мнение: «Архивы и архивисты, следовательно, являются ключевым и одновременно спорным звеном между историей и памятью. На их территории материализуются абстракции социальной памяти, а их практики подтверждают и узаконивают конкретные виды коллективного понимания. Служат ли они обществу, государству или частным интересам, их практики отбора, описания неминуемо влияя на концепты и категории, которые привлекают “хозяева” архивов, придавая им форму коллективной памяти и повествуя о прошлом» [Блоун, 2017, с. 161]. Заканчивая краткий обзор книги Ф. Блоуна и У. Розенберга, мы присоединяемся к словам российского автора Федора Николаи: «Возможно, книга Блоуна и Розенберга оказалась бы гораздо интереснее, если бы третьим участником их диалога стал специалист в области исследований памяти или публичной истории» [Николаи, 2017, с. 325]. По мнению автора данной статьи, в обсуждении проблематики памяти желательно участие не только историка, но и архивиста.

Некоторые исследователи считают, что коллективной памяти не существует, что это не память, а условность, соглашение, результат воздействия идеологии. Сьюзен Сонтаг пишет: «Нет такого предмета, как коллективная память, – она из того же набора сомнительных понятий, что и коллективная вина. Но коллективный урок есть. Всякая память и индивидуальна и не копируема – она умирает вместе с человеком. То, что мы зовем коллективной памятью, не воспоминание, а договоренность <...>» [Сонтаг, 2003, с. 65].

Подводя некоторые итоги, надо сделать вывод о том, что единой теории и терминологического аппарата проблемы памяти в настоящее время не существует. Возможно, это вызвано сравнительной новизной данного направления исследования и его междисциплинарностью, что приводит к рецепции терминов и представлений из различных научных дисциплин.

В то же время следует отметить, что важнейшими для нас являются три вида памяти: индивидуальная; социальная; культурная. Индивидуальная память существовала всегда. Она есть даже у беспозвоночных организмов. Социальная память появились не сразу, а только с образованием устойчивых общественных групп, что стало для человечества большим шагом вперед.

Это привело к использованию и восприятию чужого опыта и воспоминаний, а, в конечном счете, к появлению эффективной системы трансляции знаний, умений и навыков во времени. Культурная память появилась значительно позже с появлением первых больших племенных объединений, протоцивилизаций. Для скрепления таких союзов, а в будущем и империй, потребовалось представление об общем прошлом и общей судьбе. Временной горизонт культурной памяти предполагает устремленность в вечность. Однако сегодня мы знаем, что многие великие культуры и цивилизации исчезли с лица земли, не оставив никаких следов кроме сказаний и мифов. Об этом убедительно пишет российский историк и архивист В. П. Козлов: «В этом смысле разрыв такой непрерывности документальной исторической памяти и тем более ее прекращение вообще всегда являются сопутствующим признаком катаклизма, катастрофы, либо очень значимых социальных и политических явлений и процессов» [Козлов, 2018, с. 426].

В связи с этим следует поставить вопрос, что первично: цивилизация (культура) или культурная память? На наш взгляд, первична цивилизация (культура). Наличие культурной памяти является необходимым условием существования культуры и цивилизации. Она является «цементом», скрепляющим общество и государство. Культурная память в целом поддерживается, сохраняется государственными и общественными институтами. Упадок этих институтов может привести к исчезновению культурной памяти и, как следствие, к разрушению инфраструктуры документальной памяти: архивов, библиотек, музеев и т. д.

Человек, рождаясь и живя в той или иной культуре, получает не только данные ему изначально индивидуальную и социальную память, но и со временем по мере воспитания и обучения осваивает и приобретает культурную идентичность. Культурная память больших сообществ и наций выходит за рамки памяти отдельных людей или групп. Это способность передавать культурные смыслы и объединять индивидуумов в длительно существующие общества, государства и нации. Четких границ между понятиями «коллективная память» и «культурная память» нет. В их основе лежит память об общем прошлом, великих предках, об истории побед и тяжелых испытаниях. Культурная память поддерживается институтами памяти, такими как регулярно повторяющиеся ритуалы, политика памятных мест и дат, архитектурная среда, музеи, библиотеки и архивы.

Следует вспомнить, что в дописьменную эпоху важную роль играла устная традиция передачи знаний, а также памятники и монументы. Митрополит Филарет (Дроздов) говорил: «Памятник есть безмолвный проповедник, который, в некотором отношении, может быть превосходнее говорящего, потому что не прекращает порученной ему проповеди, и таким образом она доходит до целого народа, и до многих последовательных родов. Памятник есть книга, которую не нужно искать в книгохранилище» [Филарет, 1887, с. 128].

Культурная память вмещает в себя документальную память. Если сказать точнее, то документальная память – это один из механизмов и способов поддержания, трансляции и закрепления культурной памяти. Носителем документальной памяти выступает ретроспективная информация, закреплённая на различных носителях. То есть документальная память – это память, зафиксированная в документах.

Для архивистов важна прежде всего документальная память – информационный ресурс, целенаправленно созданный государством и обществом и представленный совокупностью документной ретроспективной информации.

Основным институтом, обеспечивающим существование документальной памяти, является архив. К сожалению, архивы хранят далеко не все когда-либо созданные документы, а лишь ничтожную их часть. И дело здесь не только и не столько в архивной практике экспертизы ценности документов или в уничтожении документов по политическим или расовым мотивам. Уничтоженные документы, как и сохранные, многое говорят об обществе, о его культурных практиках и приоритетах.

По мнению отечественного архивиста и теоретика архивного дела В. Н. Автократова, главная задача архивных документов и информации – «способствовать связи во времени, связи настоящего и будущего состояния общества с его прошлым» [Автократов, 2003, с. 67]. В. Н. Автократов первым ввел в научный оборот понятие «мертвой документированной информации», то есть архивных документов, находящихся в состоянии «покоя», не используемых в данный момент.

Российская исследовательница Л. Н. Мазур обращает внимание на то, что «документальную память можно рассматривать в качестве некоторого фундамента, на который опираются научно-исследовательские практики, а также система исторического образования, пропаганда, культурно-просветительская деятельность» [Мазур, 2018, с. 14].

Важным качеством архивных документов является их способность актуализироваться для познания прошлого, настоящего и будущего. Мы не можем знать, когда тот или иной документ или комплекс документов актуализируются, станут интересными для наших потомков. Актуализация будет зависеть от целей, задач и интересов будущего общества. В этом возможном «пробуждении» или актуализации документов скрывается определенная опасность для современной теории и практики экспертизы ценности документов, осознаваемая учеными. Несмотря на достижения в теории, методике и практике экспертизы ценности документов, разработанную систему критериев, дополняемую разветвленной системой типовых и отраслевых перечней с указанием сроков хранения документов, нам все-таки не дано предугадать интересы, ценности и практические потребности будущих поколений.

В наши дни актуализация документальной памяти, отложившейся в виде документов в архивах, происходит путем использования. Использование документов – это применение пользователями и архивом архивных документов в целях удовлетворения информационных потребностей человека, общества и государства. Использование архивных документов определяется политикой памяти и регулируется архивным законодательством, органами власти. Использование архивных документов – это конечная цель и смысл существования архивов. Основными формами использования архивных документов являются: информационное обеспечение пользователей; предоставление документов для исследований в читальном зале; организация выставок, публикация документов и др.

В настоящее время на использование архивных документов, как и на другие направления деятельности архивов влияют новые информационные технологии. Информационные технологии в архивном деле – это обработка архивных документов путем внедрения в архивное дело теоретических и прикладных разработок информатики, а также использование в работе архивов компьютерной техники и программного обеспечения.

Основными направлениями применения новых информационных технологий в архивном деле являются: создание и совершенствование научно-справочного аппарата; создание системы автоматизированного учета документов; создание электронных копий архивных документов; электронные публикации архивных документов; учет документов архива; контроль за исполнением запросов; размещение информации об архивах, научно-справочном аппарате архивов и архивных документах в сети интернет и др. [Попов, 2001, с. 179].

В последние годы развитие информационных технологий связывают с так называемой точкой сингулярности, прохождение которой ученые ожидают в середине XXI в. Феномен сингулярности ученые стали обсуждать после доклада математика и писателя Вернона Винджа «Технологическая сингулярность» на симпозиуме VISION-21, который проводился в 1993 г. Центром космических исследований NASA им. Льюиса и Аэрокосмическим институтом Огайо. На русском языке расширенный и дополненный доклад Вернона Винджа был опубликован издательством АСТ в 2019 г. По мнению специалистов по информационным технологиям, сингулярность – это особый момент в истории, связанный с появлением искусственного интеллекта и глобальной информационной сети. Постсингулярному миру будут присущи следующие черты: «компьютеры обретут «сознание» и возникнет сверхчеловеческий интеллект; компьютерные сети смогут «осознать себя» как «сверхчеловеческие разумные сущности»; машинно-человеческий интерфейс станет настолько тесным, что интеллект пользователей можно будет обоснованно считать сверхчеловеческим».

В постсингулярном мире формализуются задачи получения, систематизации и использования информации. Формальная сторона этих процессов – получение исходной информации, ее систематизация, использование – автоматизируется. По мнению Вернона Винджа, при благоприятном развитии событий постсингулярность воплотит в жизнь многие наши мечты: «жизнь без конца и края, в которой мы научимся по-настоящему понимать друг друга и сокровеннейшие тайны бытия» [Виндж, 2019, с. 17].

Список литературы

Автократов В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М. : РГТУ, 2001.

Ассман Алейда. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

Ассман Алейда. Новое недовольство мемориальной культурой / пер. с нем. Бориса Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2016. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»).

Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Блохин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

Вернон Виндж. Сингулярность. М. : Издательство АСТ, 2019.

Ивлева И. В. К проблеме памяти, воспоминания и забвения в культуре // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 209–214.

Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом знании. М. : Древлехранище, 2017.

Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М. : РАН, 2018. С. 424–430.

Леонтьева О. Б. Память, время, мемориальная культура в работах Алейды Ассман // Историческая экспертиза. 2017. № 4. С. 31–46.

Мазур Л. Н. Документальная память: свойства, структура, проблемы актуализации // Архив в социуме – социум в архиве: материалы региональной научно-практической конференции / сост., науч. ред. Н. А. Антипин. Челябинск, 2018. С. 13–17.

Николаи Ф. История, архивы, исследования памяти: дисциплинарная политика и борьба за авторитет // Новое литературное обозрение. 2017. № 148. С. 321–326.

Попов А. В. Архивы и компьютерные технологии: опыт создания БД «Русское зарубежье» // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2001. № 28. С. 178–180.

Попов А. В. О периодизации истории архивов // Мир Евразии. 2017. № 4 (39). С. 44–49.

Сонтаг С. Когда мы смотрим на боль других. М. : Ад Маргинем Пресс, 2003.

Филарет (Дроздов), митрополит. Речь при заложении в Москве Триумфальных ворот // Сочинения Филарета митрополита Московского и Коломенского. Слова и речи Т. III 1826-1836. М. : Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1877. С. 128.

Хальбвакс М. Социальные рамки памяти М. : Новое издательство, 2007.